

Г О Р О Д

Н О Ч Н Ы Х

П Т И Ц

Ч у х е К и м

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ч-96

Juhea Kim
CITY OF NIGHT BIRDS

Copyright © 2024 by Juhea Kim. All rights reserved.
Published by arrangement with Ecco, an imprint of HarperCollins Publishers.

Перевод с английского Кирилла Батыгина

Литературный редактор Яна Козлова

Чухе Ким.

Ч-96 Город ночных птиц / Чухе Ким ; [перевод с английского К. Батыгина]. — Москва : Эксмо, 2026. — 448 с.

ISBN 978-5-04-217717-0

Санкт-Петербург, 2019 год. Бывшая прима-балерина Наталья Леонова возвращается в город, где началась история ее взлета и падения. Прошло два года после несчастного случая, разделившего ее жизнь на до и после, и теперь некогда знаменитая танцовщица Мариинского и Большого театров, покорявшая Париж и Нью-Йорк, походит на жалкую версию самой себя.

Призраки прежней жизни дают о себе знать: замкнутая мать и два талантливых артиста, сыгравших важные роли в драме героини, мягкий Александр и высокомерный Дмитрий. Последний делает Наташе заманчивое предложение — вернуться в балетный мир.

Но чем ей предстоит пожертвовать ради мечты?

Наташу снова затягивает водоворот безжалостных амбиций и надежд.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Батыгин К., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-217717-0

Дисклеймер

Это произведение — художественный вымысел. Все имена, названия, организации, места и события — либо плод воображения автора, либо представлены в художественном ключе. Сходство с настоящими людьми, как живыми, так и покойными, с событиями и местами — исключительно совпадения.

Предисловие автора к русскому изданию

ЛЮБОЙ РОМАН ПОДОБЕН ПТИЦЕ. В ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ птице без вреда можно добавить или удалить перья, не причинив ей вреда. Но если вырвешь слишком много, то птица больше не сможет летать. Мы не знаем, где проходит эта грань между заботой и увечьем. Меняются времена, меняются птицы, и этот баланс постоянно сдвигается — даже сейчас, когда вы, уважаемые читатели, знакомитесь с этим текстом. Мы в полной мере осознаем, какие небесные дали предстоит преодолеть нашей птице над просторами России, и понимаем нашу ответственность за то, чтобы эта птица смогла подняться на ту высоту, которая ей предначертана судьбой. Мы постарались максимально бережно обойтись с нашей дорогой пташкой. Мы надеемся, что сделали достаточно, чтобы не лишать нашу птичку той жизнестойкости, той жизнеспособности, без которых искусство прекращает существовать.

Октябрь 2025 года

Всем моим читателям
и светлой памяти моего дедушки
Ким Сугёна (1925–1994)

Увертюра

Называй же беззаконницей,
Надо мной глумись со зла:
Я была твоей бессонницей,
Я тоской твоей была.

Анна Ахматова.

Я окошка не завесила...

И мне показалось, что это огни
Со мною летят до рассвета,
И я не дозналась — какого они,
Глаза эти странные, цвета.

И все трепетало и пело вокруг,
И я не узнала — ты враг или друг,
Зима это или лето.

Анна Ахматова.

Отрывок

я подливаю вина. по вкусу оно — та странная тоска, которую ощущаешь, прибывая в родной город посреди ночи.

Сквозь облака за круглым иллюминатором мерцают огни Петербурга. Я вспоминаю, что сейчас белые ночи. При спуске из сероватых высей земля напоминает ночное небо больше, чем сам небосвод, и меня на мгновение охватывает чувство, будто я лечу вниз, навстречу звездному полю. Я прикрываю глаза, делаю вдох и медленно открываю веки. Город одновременно знакомый и незнакомый, подобно лицу прежде любимого человека.

Представьте, что вы по чистой случайности сталкиваетесь с ним в парке или на лестнице от партера к бельэтажу с купленным впопыхах в антракте бокалом шампанского в руке. Вы направляетесь вверх, а ваш бывший любимый — вниз. Узнаете вы его не по чертам лица, те уже изменились, а по выражению. Вас терзают сомнения, что, может быть, это и не он, но уже в следующую секунду вы признаете, что это может быть только он и никто иной. Вы окидываете его фигуру оценивающим взглядом, заодно строя догадки, как в этот момент выглядите сами — макияж, прическа, тяжелые кольца и пара сережек, о которой вы вспомнили в последнюю секунду, за что вы теперь премного себе благодарны. Вы все еще не решили, следует ли встретиться с ним глазами, остаться прохладно-безразличной, улыбнуться или что-то сказать, когда будете проходить мимо друг друга по искоженной мраморной лестнице, а уже слышится звонок, возвещающий конец антракта. Все завершилось гораздо быстрее, чем шампанское перестает пузыриться.

— Ремень подтяните.

В проходе стоит стюардесса. Удостоверившись выразительным взглядом, что я пристегнулась, она собирает пустые бутылочки и закидывает их в пластиковый пакет. Ранее на свадьбу одна из ее коллег попросила у меня автограф, а я взяла и отказалась.

— А вы разве не Наталья Леонова? — спросила девушка, прежде чем вернуться к группке выстроившихся в кухонной зоне подруг.

После этого бортпроводники старательно игнорировали меня, будто пренебрежение к одному из них — знак неуважения сразу ко всему экипажу. Я закрываю глаза на их косые взгляды и вижу лица тех, кого я оставила в этом городе.

Приземление самолета рассеивает мои грезы. Все, о чем я думаю, — как бы спрятаться в месте, где никто, за исключением меня самой, не думает, что я — отвратительный человек.

Я заселяюсь в «Гранд Корсаков», гостиницу неподалеку от Невского проспекта, в которой останавливаюсь регулярно. С балкона открывается лучший вид из всех возможных на Питер, но я отгораживаюсь от белой ночи занавесками. На чайном столике — бутылка «Вдовы Клико», ваза с двадцатью пятью розами цвета парного молока и открыточка, на которой значится: «*Добро пожаловать домой, госпожа Натали*». На миг я задумываюсь об отправителе, но вензель отеля на карточке подсказывает, что Игорь Петренко, управляющий отелем, вероятно, просто более обычного порадовался моему имени в списке броней. Больше никто не знает, что я здесь.

Я раздеваюсь, откупориваю шампанское и захватываю бутылку вместе с лекарством в кровать. Мне всегда нравилось ощущение, когда скользишь ногами по свежим простыням, и даже сейчас я позволяю себе отдаться неге, но и это слабое утешение вскоре оборачивается омерзением, когда становится понятно, что больше у меня ничего не осталось. Чтобы предать забвению этот факт, я кладу таблетку обезболивающего себе на язык и отпиваю прямо из горлышка. Когда пена заполняет рот, мои чувства притупляются, и я меньше тревожусь обо всем — о своей глупости, своем сердце, своих скрепленных изношенными сухожилиями щиколотках.

Небо рдеет всю ночь, как горящая свеча. Занавески не уберегают меня от неумолимого сияющего пурпура. Проворочавшись с боку на бок, я открываю глаза, когда в комнате уже совсем светло. Видимо, я разоспалась — уже че-

тыре часа дня. Невольно я издаю стон, когда свешиваю ноги с кровати. Я почти два года не танцевала, а стопы у меня болят, как у старухи, которая в первый раз за день спустила ноги на пол. Не включая свет, прихрамывая, я отправляюсь в душ и задерживаюсь под струями горячей воды. Они придают мне достаточно сил, чтобы вытащить себя на улицу. Но недостаточно, чтобы повидаться с мамой.

Я выскальзываю из мраморного лобби, избегая встречи с управляющим. Летом воздух в Питере плотнее и слаще, чем зимой, — как мороженое в сравнении с кофе глясе. В воздухе витают ароматы цветов, молекулы испаряющейся из каналов воды и перламутровые блики солнца между Невой и небом. Люди ходят группами, фотографируются и смеются, их движения неспешны, словно в замедленной съемке, — частое явление в холодных краях в пестрые жаркие дни.

Я захожу в кафе и заказываю капучино навынос. Затем я следую на запад по Невскому проспекту и окольными путями добираюсь до берега Невы, которая сияет голубой лазурью, напоминающей одеяние Богородицы с иконы. Справа от реки, на Марсовом поле, пышно цветет сирень. Когда-то я провела здесь один из лучших дней в своей жизни. Даже не закрывая глаз, я практически наяву вижу тени наших тел на траве.

Недалеко от того места, где мы валялись, струнный квартет начинает играть *Stabat Mater* Вивальди. Судя по немного отличающимся вариантам белого верха и черного низа, музыканты — учащиеся консерватории.

Контратенор заводит: «*Stabat Mater dolorosa juxta crucem lacrimosa, lacrimosa...*». «*Стояла мать скорбящая возле креста в слезах, в слезах...*» Слова воспроизводят

в памяти мамино круглое лицо и ее раскрасневшиеся от розацеа и тяжелой работы руки. А еще — тусклые волосы кофейного оттенка, которые с возрастом истончились и обмякли, подобно траве с наступлением зимы. Я задерживаюсь на этом образе, желая, чтобы он даровал мне умиротворение. Однако когда я осознаю, что не могу вспомнить мамин голос, во рту появляется привкус золы. После всех моих попыток вернуться к маме, я все еще не готова увидеться с ней.

Голос певца обездвиживает меня, приковывая больные ноги к земле, пока музыканты не доводят до конца арию Вивальди, а затем еще одну вещь, которая мне незнакома. Небольшая толпа празднующих награждает исполнителей теплыми аплодисментами, которые цветасто расплываются в воздухе. Музыканты стоят, сияя от такого восторженного приема, а затем ослабляют струны на смычках, прячут инструменты и, согбенные под весом жестких футляров и пюпитров, уходят. Наверное, собираются где-нибудь поужинать. Только тут до меня доходит, что я целый день ничего не ела. Я не особенно голодна, но под влиянием музыки и надежд на лучшее от пребывания среди счастливых людей достаю телефон и пишу Нине. Раз уж мы так близко друг от друга, то, кажется, я могу после стольких лет молчания позволить себе прелюдию к встрече.

«Я прилетела вчера ночью. Если ты свободна — хочешь поужинать?»

Я волнуясь, а затем чувствую необычайное воодушевление, когда на экране появляются три заветные точки.